

Г.Е. Жураковский

**Очерки по истории античной
педагогики**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37
ББК 74
Г11

Г11 **Г.Е. Жураковский**
Очерки по истории античной педагогики / Г.Е. Жураковский – М.: Книга
по Требованию, 2015. – 471 с.

ISBN 978-5-458-50544-4

Очерки по истории античной педагогики» Г. Е. Жураковского рассчитаны на подготовленного читателя и дают характеристику педагогической теории и практики Греции и Рима. Автор использует, как классическую, так и новейшую литературу, дает богатый фактический материал по истории педагогики античной эпохи.

ISBN 978-5-458-50544-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

этими данными, к которым пришла современная педагогическая мысль.

Задача эта оказалась исключительно сложной.

Вопросы воспитания и обучения в условиях античности не были обособлены в самостоятельную дисциплину и широко трактовались в произведениях, крайне разнообразных по своей основной тематике. Трудно найти такое сочинение Ксенофонта, Платона, Аристотеля, где не рассматривались бы педагогические проблемы. Комедии Аристофана и Плавта, эпиграммы Марциала, сатиры Ювенала открывают в этой области важные данные. Это же следует сказать и относительно Цицерона, Сенеки, Плутарха и т. д. В таких условиях внимательное рассмотрение вопросов античной педагогики требовало изучения значительной части главнейших произведений античной литературы.

Одновременно приходилось иметь в виду новую литературу по вопросам античной педагогики на разных языках. Рассмотрение этой литературы привело автора к убеждению, что, не говоря уже об оценке теоретических исканий античной педагогики, которая целиком, конечно, обуславливается классовыми основами тех или иных трудов, даже в области разрешения чисто фактических вопросов (например, о типах школы, числе лет обучения и т. д.) не существует хотя бы приблизительной общности точек зрения.

В таких условиях автор, становясь при разрешении тех или иных вопросов последней категории на определенные позиции, обусловленные его оценкой всего имеющегося материала, в то же время считал своей обязанностью возможно полнее и всестороннее излагать постановку этих вопросов в целом в современной научной литературе.

Следует с сожалением отметить, что наличное состояние наших первоисточников говорит о том, что некоторые из спорных проблем смогут получить свое окончательное разрешение лишь в условиях открытия новых исторических данных. Ведь нельзя при этом забывать всю сложность положения исследователя в области истории античной педагогики, которое нередко можно сравнить с положением того палеонтолога, который по сохранившемуся зубу и клочку шерсти принужден восстанавливать образ давно исчезнувшего животного. Такое положение дел заставляет автора заранее отклонить упрек в отсутствии в отдельных случаях внимания к тем характерным особенностям, которые отличают одну от другой смежные эпохи, что должно находить свое отраже-

ние на соответствующем развитии как педагогических идей, так и учебных учреждений.

Так, например, автор говорит об афинской школе V—IV вв. как о чем-то едином и общем, хотя нет никакого сомнения, что в действительности эта школа на протяжении данного времени пережила сложную эволюцию, уловимую нами лишь в самых общих чертах.

Принципиально совершенно; неправомерно излагать, например, учение пифагорейцев разных столетий о воспитании, как что-то неразрывно связанное, однако, потеря большинства первоисточников заставляет идти по этому пути.

Исходя из наличного состояния научных данных, автор сознательно отказался от попытки дать хотя бы общую картину воспитательной практики древнейших Греции и Рима: он полагает, что каким-либо обобщениям в этой области должно предшествовать монографическое исследование вопросов.

В то же время автор принужден был ограничить себя и территориально: те данные, которые мы имеем относительно практики воспитания вне основных центров классической Эллады — Спарты и Афин — пока не дают права делать каких-либо существенных обобщений. И только от эпохи эллинизма мы имеем ряд устойчивых сведений из разных центров Греческого мира.

Большие трудности стояли на пути автора при разрешении основных вопросов, связанных с установлением четкой периодизации исторических этапов развития античной педагогики, и, между прочим, — периодизации развития античной педагогической мысли. В своем исследовании автор опирался на учение марксизма-ленинизма об исторических формациях. В частности, выводы классиков марксизма о рабовладельческой формации дают историкам античной культуры ключ для понимания ее особенностей и своеобразия.

Оценивая «Очерки по истории античной педагогики», нужно также иметь в виду, что у автора не было возможности получить в свое распоряжение всю важнейшую новейшую литературу по античной педагогике: некоторые весьма важные по тематике труды остались вне поля его изучения.

В итоге всех этих трудностей автор дает не законченную в деталях историю античной педагогики, но лишь очерки, должныствующие помочь дальнейшим исследованиям в этой исключительно важной и интересной области.

В целом и основном «Очерки по истории античной педагогики» предназначены для преподавателей педвузов и аспирантуры. Однако быстрый рост культурного уровня и общеобразовательной подготовки советского студенчества, который автор имеет возможность с радостью наблюдать в своей повседневной работе, дают ему уверенность в том, что книга может быть использована и студентами при условии активной помощи со стороны преподавателей.

Книга охватывает сложный и трудный для усвоения материал. Автор стремился облегчить положение читателя возможно более точным разграничением материала, что внешне подчеркнуто разделением книги на отделы, главы и параграфы.

Указания на использованную литературу даны в тексте работы на соответствующих страницах.

Попутно автор считает нелишним упомянуть следующие работы на русском языке по вопросам греческой и римской педагогики, на которые в дальнейшем изложении вовсе не дается каких-либо ссылок (из обзора исключены те работы, в которых история античной педагогики не является специальным предметом изложения, например общие курсы по истории педагогики и т. д.).

Бек-де-Фукьер Л., Игры древних, вып. I, Киев 1877.

Бекштрем А., Школьное дело у древних греков («Гермес» № 14, 1910).

Буаескул В., Школьное дело у древних греков по новым данным, Харьков 1918.

Гинтович С., Несколько слов о военной гимнастике древних народов («Гермес» № 13, 1910).

Громачевский А., Причины высокой образованности у древних греков («Гимназия» № 3, 1895).

Гогоцкий С., О различии между воспитанием и образованием в древние и новые времена («Университетские известия Киевского университета», 1874, и — отдельно — Киев 1874).

Истомин А., О воспитании у римлян («Сборник статей по классической древности», вып. 1, Киев 1884).

Ордынский, Занятия молодого афинянина («Пропилеи», Сборник статей по классической древности, кн. 1, М. 1851).

Редди-и-ов А., О воспитании у древних римлян («Ученые записки Казанского университета» 1851 г., кн. 2, 1853).

Тиханович, Очерк гимнастических игр у древних греков («Журн. Мин. Нар. Просвещения», XCII, № 12).

Тихов А. Воспитание женщин у римлян («Гимназия» № 6, 7, 1895).

Тихов А., Образование и наука у древних греков и римлян («Гимназия» № 1, 2, 3, 1891).

Трачевский, Воспитательные идеалы классического мира («Русская школа» № 3, 4, 5, 8, 10, 1890).

Трачевский, Теория воспитания в классическом мире («Русская школа» № 1, 2, 1892).

Уссинг Ж., Воспитание и обучение у греков и римлян, изд. 2, СПб 1891.

Шевырев, О характере римского образования («Журн. Мин. Нар. Просвещения» № 9, 1835).

Штадельман Ф., Воспитание и обучение у древних греков и римлян, изд. журн. «Гимназия» 1895 г. («Гимназия» в прилож. № 6, 7, 8, 10, 1895; № 2, 3, 4, 8 и 10, 1896, вып. 1, 1897).

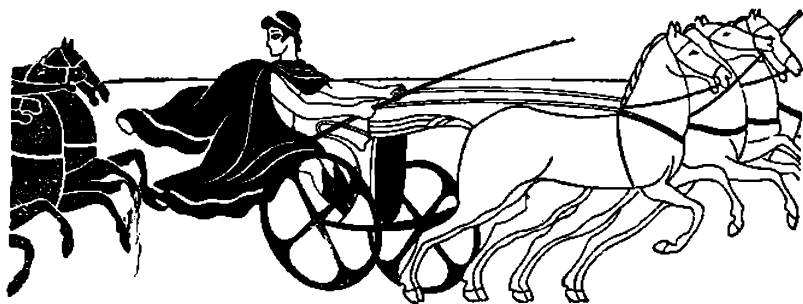
Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность Дирекции и Кафедре педагогики Московского Областного Педагогического Института за постоянное содействие ему в работе над книгой.

ΕΛΛΑΔΑ

СПАРТАНСКАЯ ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Покорение в IX в. до н. э. лаконскими дорийцами центральных областей Пеллопоннеса повело к созданию своеобразных форм рабовладельческих отношений между ними и местным населением. В Спарте потомки последнего, являясь государственной собственностью, были объектом всесторонней эксплуатации со стороны господствующих победителей, населявших прежде всего город Спарту, и заинтересованных в первую очередь в правильном снабжении продуктами сельскохозяйственного труда своей военной общины. Весь общественный и государственный уклад Спарты являлся следствием из того основного факта, что эта военная община была лагерем, находящимся в состоянии непрерывной боевой готовности среди масс эксплуатируемого земледельческого населения, живущего на относительно обширной территории. В частности, непрерывная военная подготовка с молодых лет, в условиях которой жило прежде всего мужское население Спарты, ставила в зависимость от государства каждую отдельную спартанскую семью и вела к развитию своеобразной системы государственных трапез, что не только не мешало, однако, тому, что в Спарте классической поры быстро прогрессировало общественное неравенство среди юридически равноправных масс господствующих групп населения, но в некоторых отношениях и содействовало этому, поскольку отказ от этих трапез («сисситий») влек за собой вполне реальные и притом печальные последствия. «Участвовать в сисситиях людям очень бедным не легко, между тем, по традиции, участие в них служит показателем принадлежности к сословию граждан, так как тот, кто не в состоянии делать взносов в сисситии, не пользуется правами гражданства», — говорит по этому поводу Аристотель¹.

¹ Аристотель, Политика II, 6, 1, перев. С. А. Жебелева, 1911. Дальнейшие цитаты по этому поводу.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

Задачи воспитания. Задача спартанского аристократического воспитания — подготовить сочлена классовой военной общины. «Мы утверждаем, что законодатель (в Лакедемонне) ввел сисситии и гимнасии ради военных целей», — замечает Платон¹, и то же повторяет Аристотель: «В Лакедемонне почти все воспитание граждан и почти вся законодательная система имеют в виду военные цели»².

Семейное воспитание (до 7 лет). Контроль государства над воспитанием начинался с первых дней жизни. Новорожденные осматривались в особом месте — «лесхе» — старшими членами филои, и только здоровые дети передавались обратно на руки отцу. Судьба болезненных не вполне ясна. Соответствующее сообщение Плутарха (о том, что таких детей кидали в Тайгетскую пропасть) не вполне достоверно. Во всяком случае, болезненные дети росли вне замкнутой спартанской общины. Здоровые дети до 7 лет оставались в семье. Плутарх отмечает достоинства спартанских кормилиц. Они «не целовали детей, давали полную свободу их членам и всему вообще телу, приучали их не есть много, не быть разборчивыми в пище, не бояться в темноте или не пугаться, оставшись одним, не капризничать или плакать. На этом основании даже иностранцы выписывали для своих детей спартанских кормилиц»³.

Организация государственного воспитания. В семилетнем возрасте детей отбирали от родителей и расселяли по особым детским государственным общежитиям.

Наиболее полное описание системы государственного воспитания в Спарте мы находим в жизнеописании Ликурга у Плутарха, а также у Ксенофонта в его «Лакедемонском государстве». Отдельные, иногда важные, замечания рассеяны у Платона («Законы» и др.), Павсания («Описание Эллады») и др. Эта система стала в последнее время предметом особенного внимания ряда исследователей.

Обстоятельную сводку их выводов дает работа В. Кнаута⁴, очень далекая от требований марксистской методологии, но которая,

¹ Платон, Законы, I, 633, перев. А. Егунова.

² Аристотель, Политика, VII, 25.

³ Плутарх, Сравнительные жизнеописания, «Ликург», 444, изд. Суворина, СПб 1892, перев. Алексеева. Дальнейшие цитаты по этому изданию. Безусловно правым следует признать Видмана, признающего, что в большинстве случаев, когда речь идет о спартанских кормилицах, в различных странах, разумеется не женщины из Спарты, а крестьянки из Лаконии (Widman, Griechische Erziehung; Roloff, Lexikon der Pädagogik, 1912, I, 468). Оценку исключительного значения этого этапа спартанского воспитания с соответствующими ссылками на Плутарха можно найти у Гельвеция. См. его «De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation», ч. I, гл. 6.

⁴ W. Knaut, Die spartanische Knabenerziehung im Lichte der Völkerkunde. («Zeitschrift für Geschichte der Erziehung und des Unterrichts», III, 1933).

Попутно можно упомянуть также E x a t c h o p u l o s, Das athen. u. d. spartan. Erziehungssystem im 5 u. 6 Jahrh. 1909; F r e e m a n, Schools of Hellas, стр. 15 и далее (подробное изложение). Из новых работ следует

однако, сообщает некоторые (впрочем, спорные) данные из области изучения истории воспитания господствующих групп населения Спарты, поскольку в ней эта история сопоставляется с выводами этнографии в области исследования воспитательных путей у народов, стоящих на низших ступенях культуры.

Установление такой связи приводит Кнаута к новому ряду соображений о генезисе спартанской воспитательной системы, которую он рассматривает, между прочим, как совокупность отголосков очень далекого прошлого, находящихся в зависимости от приемов «воспитательной работы», проводимой в условиях примитивной культуры кочевых орд.

Эти приемы доране сохранили в дальнейшем своем историческом бытии с теми изменениями, которые вызывались потребностями хозяйственной и государственной эволюции.

Одну из существенных особенностей примитивных государственно-общественных организаций Кнаут находит в так называемой «геронтократии» (от γέρων — старец), в условиях которой власть в общине принадлежит старейшим в роде, причем эта власть покоится на общем строгом разграничении прав и обязанностей каждого возраста в отдельности. Но именно подобного рода деление приходится наблюдать в Спарте, где мужское население распадалось на три основные группы: «несовершеннолетних» (до 30 лет), «мужей» (от 30 до 60 лет) и «старцев» (от 60 лет) — причем первые, хотя и составляли (наряду с «мужами») спартанскую армию, однако не имели политических прав, вторые — обладали правом принимать участие в народном собрании, лишенном, однако, законодательной инициативы, и только последние могли входить в состав всевластной герусии, направлявшей — наряду с эфорами — государственный корабль по тем или иным путям.

Такому строгому разграничению возрастов в господствующем классе соответствовало возрастное деление мужской молодежи в условиях государственного воспитания.

В общем этот период государственного воспитания охватывал время от семи до тридцати лет, распадаясь в свою очередь на три «отрезка времени» — от семи до пятнадцати лет, от пятнадцати до двадцати и от двадцати до тридцати лет.

Таким образом, первый этап воспитания продолжался семь лет. В его границах мальчик первого года обучения назывался *ἐφιδας*, второго — *πρὸςβιβος*, третьего — *μυζόμενος*, четвертого, — *πρῆπας*, пятого — *παῖς*, шестого и седьмого *μῆλες* *ἄνθρωπος*. Мальчики, принадлежащие к каждому из этих «возрастов», в свою очередь распадались на небольшие отряды, «агелы». Уклад жизни в этих отрядах был в полной мере построен по военному образцу, как о том очень ярко повествует Плутарх: «Они жили и ели вместе и приучались играть и проводить время друг с другом... Чтению и письму они учились, но по необходимости, остальное же

назвать I. Dobson, *Ancient education and its meaning to us*, 1932 и E. Moore, *History of instruction*, т. I, New-York 1936. Три последние автора отводят Спарте специальные главы.

их воспитание преследовало одну цель: беспрекословное послушание, выносливость и науку побеждать. С летами их воспитание становилось суровее — им наголо стригли волосы, приучали ходить босыми и играть вместе, обыкновенно без одежды. На тринадцатом году они онимали с себя рубашку и получали на год по одному плащу. Их кожа была загорелой и грубой. Они не брали теплых ванн и никогда не мазались, только несколько дней в году позволялась им эта роскошь. Спали они вместе по «шлам», отделениям, и «агелам» на постелях, сделанных из тростника, который собирали на берегах Еврота, причем срывали его руками без помощи ножа».

Этот своеобразный привилегированный «кадетский корпус» стоял в прямой зависимости от центральной власти государства: для руководства им герусия выделяла специальное должностное лицо, одного из своих сочленов — «пайдонима», которому в помощь назначалось пять сотрудников (так называемых *βιδυοί*).

В то же время, однако, вопросы воспитания подрастающей молодежи рассматривались как общее дело всего господствующего класса — в лице представителей его старшего поколения: «Старики... ходили в их школы для гимнастических упражнений, смотрели, если они [дети и подростки] дрались или смеялись один над другим, причем делали это не мимоходом, все они считали себя отцами, учителями и наставниками молодых людей, так что провинившийся молодой человек не мог нигде ни на минуту укрыться от выговора или наказания» (Плутарх)¹. Подобного рода вмешательство старших в воспитательную работу с детьми и подростками являлось для первых не только правом, но и общезначимой обязанностью, и находилось в связи с требованием, обращенным к ним — быть в полной мере знакомыми с условиями и правилами воспитательной практики подрастающей молодежи, что, конечно, облегчалось тем, что все представители этого старшего поколения прошли в свое время тождественный путь воспитания.

Важной формой «общественного контроля» над тем, что происходило при такой воспитательной работе, являлись ежегодные публичные испытания, проводимые на началах соревнования, так называемые «агоны», нашедшие свое полное выражение в другом греческом государстве — Афинах, о чем будет речь далее. Тем, что указанные выше пять помощников пайдонима рассматривались в первую очередь как руководители «агонов», подчеркивалось особое значение последних.

Первый период государственного воспитания (от 7 до 14 лет) заканчивался подобным же «агоном», проводимым, однако, по усложненной программе, отдельные пункты которой особенно привле-

¹ Ср. у Геродота: «Египтяне имеют сходство с аллианами, но из эллинов только с одними лакедемонянами, именно — младшие при встрече со старшими уступают им дорогу, сворачивают, а когда старшие подходят близко, младшие встают с своих мест». Геродот, История в девяти книгах, пер. В. Мищенко, II, 80, М. 1888. Дальнейшие цитаты из Геродота по этому изданию.